

ЛІ ІЄ: О) ІН ІІІІІ
ІБ ІЄ: Р' ІЄ: З: ІІ ІН!

ПЕСНЯ МОЯ,
ТАНГА

Ренанс

ЛЕОНИД
БЕРЕЗНИ

ПЕСНЯ МОЯ,

ТАЙГА

Спасибо
на память,
за мою
книга. Спасибо
за честную
и достойную
работу
Кемеровского
книжного
издательства
1970
Л. Березни

Та же книга с и др
ср. 5101.

P 2

$\frac{4-7-2}{30M.70}$

ОН ИДЕТ НА ЗОВ ТАЙГИ

Леонид Березин — человек хорошей душевной одаренности. Если бы даже он не написал в жизни ни одного стиха, то все равно бы остался поэтом. Поэтом по всей своей человеческой сути, по биению сердца, по взволнованному движению мысли. Сибиряк по рождению, Леонид Березин сердцем любит свой край, знает и глубоко чувствует его природу. Родная земля, ее деревья, травы, дожди и ветры, ее вольные птицы и звери, буйные краски ее восходов и закатов — все это слилось воедино в душе молодого поэта и стало его любовью на всю жизнь. Именно в этом, мне кажется, главный исток творчества Леонида Березина.

И потому так естественна и надежна связь личности поэта с его творчеством.

Стихи его можно читать по-разному. Добрые глаза читателя увидят в них неподдельную искренность с оттенком некоторой деревенской застенчивости и ласковой интимности. И еще эти глаза увидят за внешней простотой глубину чувства в большую человеческую щедрость.

Но будут правы и те читатели, которые упрекут автора в узости темы многих представленных в этой маленькой книжечке стихов, в одлообразии поэтических приемов и решений, в некоторой старомодности языка и образной системы.

Все это так. И все-таки хочется, чтобы эта поэтическая проба Леонида Березина попала к доброму читателю, который бы поверил в любящее мир сердце поэта и простил бы ему, хотя бы на первый случай, недочеты в мастерстве. Мастерство — дело наживное, гораздо труднее научиться доброте и любви к природе и к людям. Если встреча поэта с доброжелательными читателями состоится, то к Леониду Березину должно обязательно прийти ощущение силы и веры в себя, как поэта. И тогда оправдаются строчки его стихов:

Над тайгою зоря повиснет,
Шапки выкрасит кедрачу.
И пойму я:
Мне в этой жизни
Очень многое по плечу.

Леонид Березин еще достаточно молод. Он только начинает свой путь всерьез и в жизни и в творчестве. Ему действительно должно быть многое по плечу. Тем более, что плечи у него сибирские, физкультурные. Последнее — не шутка. Леонид отличный спортсмен, работает преподавателем физкультуры в одной из школ самого молодого города Кузбасса — Березовского, города, рабочий голос которого и сейчас еще тонет в могучем зеленом шуме тайги. Леонид Березин умеет слушать и понимать щедрую душу своего таежного края. И я горячо желаю ему перелить это понимание в стихи.

ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ

* * *

Рюкзак за плечи в спешке брошу,
На лыжи стану в добрый час
И по нетронутой пороше
Уйду тайгой на Усть-Барзас.

На крутояре возле речки,
За частолесьем сосняка,
У черной заночую печки
В далеком доме лесника.

Никто покоя не нарушит,
И будет в комнате темно,
И будет пихтушка-девчушка
Ко мне заглядывать в окно.

Забыв про завтрак, спозаранок, —
Еще и солнце не взойдет, —
Пешней проворной протараню
На омуте метровый лед.

И вспыхнет день, как миг, короток,
И будет бойко брать чебак,
...И будет, ой, как неохота
Домой настраивать рюкзак.

* * *

Кружевом на березах
Инея бахрома,
Съезжившись от мороза,
Стынут в снегах дома.
Тих воробьиный лепет
У колеи дорог,
От холода месяц в небе
Гнется в бараний рог.
Возле промерзших окон,
Зол и на солнце скуп,
Старый декабрь протопая,
Уйдя с головой в тулуп.

ЛЫЖНЯ

Иду взволнованный на лыжах,
Передо мной твоя лыжня.
Была ты дальше или ближе
В своей дороге от меня?
Ложбинкой узкой к перевалу
По белоснежной целине
Не от меня ли убегала
Или, робея, шла ко мне?
Стоит пихтач глухой стеною,
А в нем молчанье и покой.
Лыжня твоя передо мною
Легла запутанной строкой.
А по бокам — от палок точки.
И что ни шаг — загадка здесь.
Я эту пуганую строчку
Хочу и не могу прочесть.

* * *

Еще в деревьях дремлют соки,
Но верю, времечко придет,
Когда на заспанной протоке
Взломают хариусы лед.
Наброшу крепкую рубаху,
Которую мне сшила мать,
Как пож, удилице с размаха
Всажу в чехол по рукоять.
Бочагой мшистой за деревню
В рассвет брусничный побегу,
И будут древние деревья
Мне песни петь на берегу.
В краю лосей и незабудок,
Бредя протокой по тайге,
Вынашивать я лето буду
В своем зеленом рюкзаке.

* * *

В тайге угрюмой там и тут
Особой красоты
По веснам царственно цветут
Таежные цветы.
Был неуют.
Была зима.
Но как на пьедестал,
Плечом раздвинув глухомань,
Здесь новый город встал.
Когда метели улеглись
И вновь пришла весна,
Цветы оставить не смогли
Любимые места.
По улицам и там и тут
Особой красоты —
Куда ни глянь — везде цветут
Таежные цветы.

РУЧЕЕК

Как могло случиться? Простофилей
Я вконец запутался в тайге.
Над моей бедой смеялся филин
В тучном и косматом сосняке.
И когда, запутан и закружен,
Я подумал, что всему конец,
В тьме крошечной уловили уши
Ручейка негромкий бубенец.
И гремело громогласным гимном
В нем мое спасенье из беды,
Я поднялся и по травам гиблым,
Как медведь, продрался до воды.
Руческ был в общем пустяковым,
Но я знал: петляя по тайге,
Он меня, как поводырь слепого,
Поведет и выведет к реке.

* * *

И расторопен стук и внятен,
Распугана лесная тишь.
Лесной радист, проворный дятел,
О чем стучишь, о чем стучишь?
Сломалась подо мною лыжа,
Когда пересекал овраг.
Теперь снегам конца не вижу,
И тяжелеет каждый шаг.
Крадутся сумерки из пади,
Ружьем не отпугнуть мороз.
И дятел, беспокойный дятел,
Строчит отчаянное СОС.

* * *

Землю выстелила пороша.
А в душе беспокойно так...
Все дела я свои заброшу
И с утра уйду на большак.
Под распахнутый полушубок
Будет ветер сердито лезть.
И приду я, где лесорубы
У дороги трелюют лес.
Чуб под шапку запрячу влажный,
Полушубок сниму не спеша.
И наполнится чем-то важным
Стосковавшаяся душа.
Будут бревна ложиться в штабеля,
И лицо жечь мороз-огонь.
И налипнет смола густая
На мозолистую ладонь.
Над тайгою заря повиснет,
Шапки выкрасит кедрачу.
И пойму я:
Мне в этой жизни
Очень многое по плечу.

ЛОСЬ

Чащею,
Кочкастою тропой
Лось пришел к реке на водоной.
И губами втягивал рога
В воду опрокинутый кедрач.
Грянул выстрел,
Вздогнула тайга.
И поддел зверь небо на рога
Вздыбился, и яростен и зол,
И копытом солнце расколел.
Затрубил
И немощно умолк,
И колени врезались в песок.
...Стыли не причастные к беде
Кедры, отраженные в воде.

* * *

Где выстелило солнышко
За тенью кедрача
Зеленым шелком донышко
Таежного ручья,
Где дикими гвоздиками
У тропок
Цветом в май
Нацелен в небо пиками
Красавец иван-чай,
Где в ельнике под лапами
Ночует вечно тень,
Туда хмельными травами
Уйду на целый день.
И все, что сердцу дорого,
Я отыщу в лесу,
Потом с собою в город я
Под вечер принесу.
И щедро и восторженно
Я буду много дней
Находками таежными
Одаривать людей.

* * *

В тайге угрюмой и лохматой,
Подвесив сито к шалашу,
Я от рассвета до заката
Сижусь и шишки шелушу.
А по рогатистой колоде
Из кедрача, как старый друг,
Меня наведывать приходит
Зверек таёжный — бурундук.
И ни минуты не помешкав,
Почти из-под моей руки
Он тащит крупные орешки
К себе в защёчные мешки,
Ну что ж, бери, я не в обиде,
Во мне ты не разбудишь злость,
Все ж как-никак ты местный житель,
А я пришел к тебе как гость.

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Спиннинговой катушкой,
На морозе звеня,
До рабочей избушки
Раскрутилась лыжня.

Лыжи, ткнувшись с излучи
О торосов гряды,
Как замерзшие щуки,
Распластались на льду.

Ноги в крагах лосиных
Тащат в сени друзья —
Иней вылепил спины
Чешую язя.

Над горбатою крышей
Срезал ветки дымок...
Оживает и дышит
На плите котелок.

Запах рыбы и лука,
Перестуки ножа
И остроты друг в друга,
Как иголки ерша.

Нет ущицы с наваром,
Чаю выпито всласть,
Широченные нары
Нас глотают, как пасть.

Бродит сумрак в сторожке
Сладкой поступью сна.
...То ли месяц в окошке,
То ли в лунке блесна.

ДЕДУШКИНА РЕЧКА

В Барзасе Дедушкина речка.
Когда-то бородат и сед,
У этой речки в мрачный вечер
Сидел, как пень, сутулый дед.
Что за печаль его сгибала?
О чем кручинилось ему?
Поныне речка не сказала
Об этой тайне никому.
Быть может, чью-то бессердечность
Увидеть деду довелось,
И горемыка к этой речке
Обиду на людей унес.
Под птичьи крики одичало
Ложились ночи на тайгу,
И хижина его стояла
Одна, как перст, на берегу.
Так жил старик и рыбу удил...
Но как-то раз сквозь бурелом
Прошли сюда неожиданно люди
И заложили первый дом.
Им не сказавши ни словечка,

Ушел старик. И с тех времен
Прозвали Дедушкиной речку,
Которую покинул он.
И до сих пор по битой тропке
Лишь, речка, подойдешь к тебе,
В твоём напеве слышен ропот
О горькой дедовой судьбе.

ШИШКАРЬ

Вконец прозябнув,
Утром рано,
Оставив у костра ночлег,
Сижу под кедром-великаном,
Как первобытный человек.
— Сентябрь, сентябрь, —
Кедровка сыто
Кричит за ельником в логу.
Я пригоршнями сыплю в сито
Шершавых шишек шелуху.
А это сито — не смешно ли? —
Сосед-проныра, дед Сазон,
Однажды из музея в школе
Стащил в ореховый сезон.
И сито предков снова, в спешке,
В руках танцует, как челнок,
И глухо падают орешки
На берестину возле ног.
О, это вечное шишкарство!
Из века в век, по сентяблям
С лихвой отпущены мытарства
В тайге бедовым шишкарям.

Сижу оборванный, небритый,
В смоле измазанный до пят,
А предо мной валец да сито —
Музейно-древний агрегат.

* * *

На ночлег мирно ветры
Улеглись на яру,
И вершинами кедры
Окунулись в зарю.
На стога по полянам
Сквозь околки осин
Потянуло туманом
И прохладой низин.
И за бурым откосом
Первой крапункой льда
В зябкой речке на плёсе
Закачалась звезда.

* * *

Солнечным лесом
По камушкам скользким
Прыгает весело
Речка Никольская.
Ой, ты горопкая,
Речка Никольская,
Крученой тропкой
Ходил к тебе сколько я?
В ясные дни
В тальнике за увалом
Губы мои
Ты не раз обжигала.
И хохотала
Веселым ребенком,
И убегала
По камушкам звонким.

ТИХИЙ ПЛЕС

Где-то в глухариной глухомани,
За вуалью выцветших берез,
Одиноко в предрассветной рани
Обо мне тоскует тихий плес.
В нем, как льдинки,
Зябко стынут звезды,
И на километры — ни души,
Птицы там не рассекают воздух,
Не ныряет лодка в камыши.
Тихий плес... В урочищах таежных,
Окаймленный густо в тальники,
Он затерян в царстве бездорожья
За изгибом сумрачной реки.
Но когда по задремавшим нивтам
Звездопад ударит проливной,
Тихий плес ко мне совсем не тихо
Прямо в душу плещется волной.
Словно от болезней исцеленье,
Кровь мою тревожно горяча,
Мне таймени, лунные таймени
Стали часто сниться по ночам.
Тихий плес, я знаю: в эту осень,

По песку печатая следы,
Из тайги к тебе выходят лоси
И стоят застывши у воды.
И в густой тиши речных излучин
Чудятся хозяевам тайги:
Всплески легких весел,
Скрип уключин
И мои тяжелые шаги.

Сборник стихов
Игоря Северянина
1910-1914 гг.

БУРУНДУЧОК

Чуть-чуть повыше корневища,
Где в дереве прогнил сучок,
Устроил вход в свое жилище
Смекалистый бурундучок.
И чтоб в своем дупле уютном
Голодной смертью не пропасть,
Он пополнял ежеминутно
К зиме ореховый запас.
Но как-то мимо по-над взгорью
Шел человек — шаги как гром.
И дерево срубил под корень
Он расторопным топором.
Присел на корточки, без спешки,
Прицыкнул на своих собак,
Собрал гремучие орешки
К себе в потрепанный рюкзак.
Свернул сигарку. В сумрак редкий
Ушел. Качнулася лоза.
У пня застыли, как орехи,
Бурундучинные глаза.

* * *

И когда мне пасмурно да тесно
И когда исхода нет тоске,
Уплываю, будто в неизвестность,
На лодчонке утлой по реке.

Солнышко устало опустилось
В зябкую речную глубину,
И весло крылатое вполсилы
Шевелит вечернюю волну.

Я плыву вдоль берега неспешно,
А во мне сумбур и кавардак:
Может, в чем-то я нещадно грешен,
Может, сделал что-то я не так?

Может, сам с собою не поладя,
Я не так, совсем не так живу,
И куда же это, на ночь глядя,
Я на утлой лодочке плыву?

Поначалу робко и нелепо,
А затем вдруг, ослепив глаза,
В глубине угаснувшего неба
Крупно обрисуется звезда.

И в груди заходит сердце ходко,
И опять настырный я, хоть режь,
Круто разворачиваю лодку
И веслом врезаюсь в пенный стреж.

Все мои сомненья за спиною,
И любое горе не беда.
А в белесой пене подо мною
Крупная качается звезда.

ШЕЛУДИВАЯ ГОРА

То ли в шутку, то ль в забаву,
То ль проищи игра:
Встала рядышком с Бештау
Шелудивая гора.
Над Бештау синим дивом
Рвутся к небу пять вершин,
А соседка — шелудива,
И макушка, будто блин.
До макушки, как на вышку,
Я карабкался с утра, —
Шелушилась спелой шишкой
Шелудивая гора.
А в низине, у газонов,
Где нарзанный дух витал,
Пятигорск трамвайным звоном
Надо мною хохотал:
Вот нашел себе забаву!
Если рвешься, парень, ввысь,
На Бештау, на Бештау
Ты попробуй заберись!

ЕССЕНТУКИ

Здесь жизнь не обернется туго —
Есть что поить и что поесть.
Ессентуки — привычный угол,
На русский если перевести.
А мне здесь было непривычно.
И, просыпаясь по утру,
Я каждый раз по тропам птичьим
Брел к Кургухстанскому хребту.
И там, в соседстве с облаками,
Где мхом порос горы карниз,
Садился на дремучий камень
И долго всматривался вниз.
И думал: что это такое
Привычка? Чем она свята?
И почему мне нет покоя,
Покоя нет в Ессентуках?
За синей гривой перевала
На север плыли облака,
И в них виденьем прорезалась
Моя сибирская тайга.
Привычный край!

В своем величье
Души моей любовь и боль.
А Кургухстана тропы птицы
Меня не манят за собой.
Тропа моя, я знаю это,
Отсюда в дальнем далеке,
Вдоль рек студёных
Длинной лентой
Она петляет по тайге.

* * *

Попутчики, напившись чаю,
Смеются присказке до слез.
А я скучаю, я скучаю
Под мерный выговор колес.
Грущу по стуженым рассветам,
Где кедрачи — куда ни глянь.
А за окном привольным летом
Ликует зеленью Кубань.
До выгнутого горизонта
Она вся в радужном цвету,
Вся пересыщенная солнцем,
Как перезревший плод в саду.
А где-то в сумерках вечерних,
Напевами ручьев полна,
Бредет в березовом свеченье
Моя сибирская весна.
Трубят взволнованные лоси,
И плечи расправляет кедр,
Но долго меряют колеса
За километром километр.

И ожиданий слишком много,
И не забудешься во сне,
Как долго тянется дорога
К моей родимой стороне!

И ожиданий слишком много,
И не забудешься во сне,
Как долго тянется дорога
К моей родимой стороне!

СИБИРСКИЙ СОЛОВЕЙ

Не в саду, в сиреневом затишье,
А в тайге под кружевом ветвей,
Может быть, вам приходилось слышать.
Как поет сибирский соловей.
У него особые манеры,
Своенравный у него полет:
Он не любит городские скверы
И в садах влюбленным не поет.
Не с того ли в праздные субботы,
За спины забросив рюкзаки,
Про дела забыв и про заботы,
В глухомань уходят рыбаки.
На талине у речного плёса,
Где-то по соседству у костра
Вдохновенно и разноголосо
Соловей лютует до утра.
В тихих водах месяц серебрится,
И не слышен шорох камыша.
Кажется, поет совсем не птица,
А тайги стозвучная душа.

И бредет ночной тропинкой лето,
Утопая в травах у реки,
И не спят до самого рассвета,
Позабыв о рыбе, рыбаки.

1954

* * *

Мели метели без умолку,
В груди тоска неуповорот.
И зашагал лесник к поселку
На людях встретить Новый год.
А мы взволнованно под вечер,
Оставив город, вкругаля
Лыжню тянули стилой речкой
До лесникового жилья.
Ватагою многоголосой
Ввалились в хижину, и нас,
Заиндевелых от мороза,
Одиннадцатый встретил час.
И вся в заснеженных иголках,
Переступив через порог,
Вошла за нами следом елка,
Задев макушкой потолок.
Мы, как медведи, косолапо
Вокруг нее ходили впляс,
И керосиновая лампа
Светилась, как совиный глаз.
В окно напрашивались звезды
К нам на бенгальские огни,

И были песни, были тосты
Веселью нашему сродни.
А где-то за таежной далью
Лесник совсем не знал того,
Что в полночь тост провозглашали
Мы здесь за здравие его.

ЗОЛОТОЙ КИТАТ

Берега твои крутые
Видеть я ль не рад?
Катит камни золотые
Золотой Китат.
Мне чалдонка говорила
Шепотом в ночи:
«Солнце в воду обронило
Здесь свои лучи».
И когда, под солнцем тая,
Золотой паряд
Сбросит осень золотая
В Золотой Китат,
В позолоченные зори, —
У истока дня
Город каменный, как горе,
Давит на меня.
В сердце я уйму тревогу.
Утром налегке
Уведет меня дорога
К золотой реке.

Ветер ивы приголубит
Тихо, как во сне.
Прикоснутся мои губы
К золотой волке.

* * *

Коростель, товарищ мой давнишний,
Вновь всю ночь не спится нам в тайге,
Что в затихших травах говоришь ты
На своем скрипучем языке?
Знаю, ты влюблен в березы эти,
В звон кедровый, в росные луга.
К нам в Сибирь по розовым рассветам
Сколько ты без усталости шагал?
Песнь твоя, звенящая ночами,
До конца по-своему своя.
С этой песней лето я встречаю
С ней как будто вновь рождаюсь я.
Лишь услышу где-то за горою
Голос твой —
И бросит сердце в дрожь.
Не меня ль вечернею порою
На ночь за околицу зовешь?
Ой, дергач, крикун ты нелюдимый,
Сколько тайн в душе я приберег!
Ни за что без Родины любимой,
Как и ты, прожить бы я не смог.

Только я вот в трепете горячем
Навсегда сумею ли, смогу
За проселок так вот, по-ребячьи,
Убегать в вечернюю тайгу?
Чтобы в росных травах перелесья
Слушать птиц, дыханье затая,
Чтоб в моей душе рождалась песня
До конца по-своему своя.

СОДЕРЖАНИЕ

«Рюкзак за плечи в спешке брошу...»	5
«Кружевом на березах...»	7
Лыжня	8
«Еще в деревьях дремяют соки...»	9
«В тайге угрюмой там и тут...»	10
Ручеек	11
«И расторопен стук и внятен...»	12
«Землю выстелила пороша»	13
Лось	14
«Где выстелило солнышко...»	15
«В тайге угрюмой и лохматой...»	16
После рыбалки	17
Дедушкина речка	19
Шишкарь	21
«На ночлег мирно ветры...»	23
«Солнечным лесом...»	24
Тихий плёс	25
Бурундучок	27
«И когда мне пасмурно дн тесно...»	28
Шелудивая гора	30
Ессептуки	31
«Попутчики, напившись чаю...»	33

Сибирский соловей	35
«Мели метели без умолку...»	37
Золотой Китай	39
«Коростель, товарищ мой давнишний...»	41

Леонид Михайлович Березин

ПЕСНЯ МОЯ, ТАЙГА

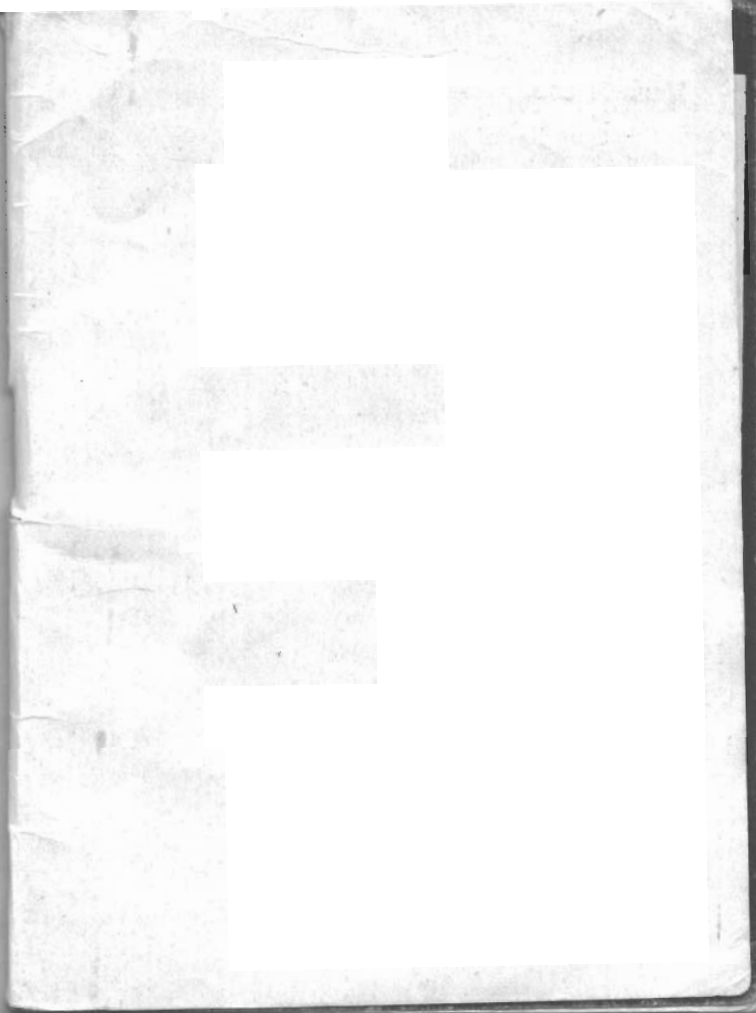
Стихи

Редактор В. В. Махалов; ведущий редактор Т. И. Махалова; художник Н. Н. Банников, художественный редактор О. С. Красова; технический редактор Г. В. Адова; корректор Т. Е. Трусова

Сдано в набор 5.IX.1969 г. Подписано к печати 8.V.1970 г.
 Формат 84×108¹/₆₄. Бумага типографская № 1. - ОП00913
 Усл. печ. л. 1,16. Уч.-изд. л. 0,97. Тираж 7000. Заказ № 5930. Цена 11 коп.

Кемеровское книжное издательство.
 Кемерово, Советский пр., 94.

Полиграфическое объединение «Томь».
 Кемерово, Ногардская, 5.

Цена 11 коп.